

МНОГООСЕВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТАТУИРОВОК ДЛЯ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ПРОЯВЛЕНИЙ ПСИХОПАТОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ НОСИТЕЛЯ. ЧАСТЬ 1

Борохов А.

Борохов Александр Давидович

врач-психиатр, нарколог, главный врач Наркологического медико-реабилитационного центра Ника-Израиль; многопрофильный госпиталь им. Сары Герцог, Иерусалим, Израиль.

E-mail: adsamuray@gmail.com

Аннотация

Во время обследования врачом-психиатром соматоневрологического статуса пациента особое внимание следует уделять такому объективному признаку, как состояние кожных покровов (наличие рубцов, странгуляционных борозд, следов от инъекций, татуировок, пирсинга), а также наличие различных инородных тел, искусственно имплантированных в подкожную жировую клетчатку и слизистые. К таким сознательным, искусственным модификациям тела следует отнести все случаи искусственной дерматографии (татуировки), встречаемость которых за последние десятилетия возросла в несколько раз и приобрела черты массового явления.

Прежде всего надо дать определение самому термину «татуировка». Под татуировкой (стойкой экзогенной пигментацией кожи) понимается сознательное искусственное нарушение целостности кожных покровов посредством колюще-режущих инструментов с последующим введением в раневую поверхность красящих веществ с целью получения стойких не исчезающих изображений. Одна из версий об этимологическом происхождении этого термина говорит о том, что на таитянском языке (острова Полинезии) «татау» означает «помечать, маркировать». Это слово привез в Европу мореплаватель Джеймс Кук.

Надо отметить, что три мировые религии (христианство, мусульманство и иудаизм) негативно относятся к процессу татуирования. Так, в книге Левитов (19:28) Господь говорит Моисею: «Ты не должен делать на теле своем никаких надрезов и не оставлять никаких отметин». Римский Папа Адриан I, обращаясь к христианам в своей энциклике в 787 году, также призывает не делать добровольных отметин на теле. Пророк Мохаммед тоже отрицательно отзывался о татуировании. В современном обществе у татуировки появилась масса дополнительных функций и значений. Например, современная татуировка может наноситься не только по этническо-религиозным или криминальным мотивам, но и отражать индивидуальность носителя, значимые события, личные предпочтения, позитивное отношение к спортивному клубу, музыкальному или политическому течению, присоединение к конкретной неформальной группе, сексуальные предпочтения, самовосприятие и др. Даже кажущаяся «просто украшающей» татуировка, нанесенная добровольно, может указывать как на бессознательные мотивы личности, так и на ее ценностные ориентации и пути реализации их.

Предметом исследования являлась изобразительная и смысловая интерпретация 2517 татуировок у 586 больных (498 мужчин и 88 женщин) с различными видами психических и поведенческих расстройств, а также 232 татуировок у 108 лиц без психических нарушений (контрольная группа). Все случаи, как пациентов, так и контрольной группы, были лично наблюдаемы автором за период с января 1987-го по январь 2017 года. Также был произведен сравнительный и семантический анализ более 12000 фотографий и рисунков татуировок из специальной и научно-популярной литературы и интернет-ресурсов. Психосемантический анализ графических изображений и символов сравнивался с имеющимся анализом в научной и научно-популярной литературе.

Ключевые слова: обследование; татуировка; определение; мотив; значение; пациент.

УДК 159.923

Библиографическая ссылка

Борохов А. Многоосевая классификация татуировок для интегральной оценки проявлений психопатологии личности носителя. Часть 1 // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 10. doi: 10.24411/2219-8245-2018-11100

Поступила в редакцию: 01.08.2017 Прошла рецензирование: 23.09.2017 Опубликовано: 31.03.2018

В клинической практике нередко оказывается, что причиной направления на обследование к психиатру или клиническому психологу является изменение паттернов поведения, ранее не характерных для данного человека и вызывающих тревогу и беспокойство не только у самого обратившегося за помощью, но и у его окружения [19; 27; 41; 45; 46; 61; 63; 64; 70; 73].

Одним из таких важных симптомов является деструктивное поведение, включающее в себя как внешнюю агрессию, так и суицидальное поведение — аутоагрессию [60; 67; 69]. Как следствие этого, происходит рост насильственных преступлений, а также увеличение ДТП. Подобные проявления дезадаптации касаются не только личностных расстройств, но и психических и поведенческих нарушений вследствие употребления психоактивных веществ [48; 51; 85].

Постоянно расширяющийся ассортимент доступных псевдолегальных психоактивных веществ (особенно когда это касается группы искусственных каннабиноидов и психоделиков) влечет за собой не только увеличение количества потребителей, но и изменение патоморфоза клинической картины при интоксикации ими [66].

Злоупотребление психоактивными веществами искажает картину восприятия окружающего мира, а также усиливает уже имеющиеся агрессивные тенденции самой личности [3; 4; 5; 13; 52; 56; 65].

Несмотря на значительные успехи, достигнутые при диагностике психических расстройств, основой диагностического процесса, как и раньше, продолжает оставаться личный контакт врача (клинического психолога) и больного. При этом оцениваются такие объективные признаки, как поведение больного, его реакции на окружающих, манера речи, используемый больным словарный запас, а также и невербальные проявления психического статуса обследуемого, такие как жесты, прическа, одежда и т.п. [18; 35; 42; 50; 53; 58].

Во время обследования врачом-психиатром соматоневрологического статуса пациента особое внимание следует уделять такому объективному признаку, как состояние кожных покровов (наличие рубцов, странгуляционных борозд, следов от инъекций, татуировок, пирсинга), а также наличию различных инородных тел, искусственно имплантированных в подкожную жировую клетчатку и слизистые. К таким сознательным, искусственным модификациям тела следует отнести все случаи искусственной дерматографии (татуировки), встречаемость которых за последние десятилетия возросла в несколько раз и приобрела черты массового явления [5; 56; 80; 81; 102; 103; 131; 132; 133; 136].

Прежде всего надо дать определение самому термину «татуировка».

Под татуировкой (стойкой экзогенной пигментацией кожи) понимается сознательное искусственное нарушение целостности кожных покровов посредством колюще-режущих инструментов с последующим введением в раневую поверхность красящих веществ с целью получения стойких не исчезающих изображений [13; 33; 87].

Одна из версий об этимологическом происхождении слова «татуировка» говорит о том, что на таитянском языке (острова Полинезии) «татау» означает «помечать, маркировать». Это слово привез в Европу мореплаватель Джеймс Кук [29; 39; 44].

Надо отметить, что три мировые религии (христианство, мусульманство и иудаизм) негативно относятся к процессу татуирования. Так, в книге Левитов (19:28) Господь говорит Моисею: «Ты не должен делать на теле своем никаких надрезов и не оставлять никаких отметин». Римский Папа Адриан I, обращаясь к христианам в своей энциклике в 787 году, также призывает не делать добровольных отметин на теле. Пророк Мохаммед тоже отрицательно отзывался о татуировании [39; 87; 97; 99].

В современном обществе у татуировки появилась масса дополнительных функций и значений.

В частности, современная татуировка может наноситься не только по этническо-религиозным или криминальным мотивам, но и отражать индивидуальность носителя, значимые события, личные предпочтения, позитивное отношение к спортивному клубу, музыкальному или политическому течению, присоединение к конкретной неформальной группе, сексуальные предпочтения, самовосприятие и др. [21; 32; 34; 37; 38; 39; 56; 135].

Даже кажущаяся «просто украшающей» татуировка, нанесенная добровольно, может указывать как на бессознательные мотивы личности, так и на ее ценностные ориентации и пути реализации их [7; 87; 108; 135].

По мнению О.П. Дубягиной с соавт. [36], татуировка может рассматриваться как сугубо индивидуальная особая примета, помогающая следователю, криминалисту или судмедэксперту установить личность преступника или пострадавшего; также она может использоваться при опознании погибших.

Как правило, носитель татуировки при выборе изображения, размера и локализации символа или рисунка руководствуется не только особенностями своего внутреннего мира, но и требованиями той социальной группы, к которой он принадлежит [10; 32; 69; 135].

Иными словами, татуировка — это своеобразный индикатор характера человека, его приоритетов, ценностных ориентаций, складывающихся из целей и путей их достижения, из его отношения к окружающему миру [6; 13; 20; 37; 39; 47; 51].

Кроме того, сами татуировки зачастую несут в себе скрытую, зашифрованную информацию о стремлении её носителя принадлежать к той или иной микросоциальной группе [6; 12; 13; 28; 79; 107; 108; 135].

Несмотря на значительное число исследований, посвященных как этнической, так и криминальной татуировке, её роли в судебной медицине, криминалистике и оперативно-розыскной работе, вопросы клинической, смысловой и социально-психологической значимости татуировок, а также возможности их использования при диагностике психических и поведенческих расстройств по-прежнему остаются малоизученными [2; 8; 13; 51; 52; 56; 81; 91; 92; 98; 99; 109].

Психиатрическая диагностика патохарактерологических изменений личности базируется на углубленном изучении поведения, уровне притязаний, глубине и степени конфликта с окружающей социальной средой. Следует учитывать, что практика проведения массовых и групповых медицинских осмотров требует, прежде всего, выделения групп повышенного риска при освидетельствовании лиц призывного возраста и других на предмет их профессиональной пригодности к службе в силовых структурах, при водительской медицинской комиссии и т.д., а также при проведении судебно-психиатрической и военной экспертиз [9; 25; 57; 62; 74].

Все вышеизложенное свидетельствует об актуальности проблемы совершенствования существующих методов диагностики, а также потребности в разработке новых методов психиатрической экспертизы значительных по численности групп населения.

Целью исследования явилось изучение с позиций психиатрии и медицинской психологии комплексного психосемантического (изобразительного и смыслового) значения татуировок у больных с психическими и поведенческими расстройствами.

В процессе исследования предполагалось в качестве решения одной из задач построение многоосевой классификации татуировок для интегральной оценки проявлений психопатологии личности носителя.

Материалы и методы

В качестве объекта исследования были избраны пациенты с клинически подтвержденным психиатрическим диагнозом (психические и поведенческие расстройства), имевшие татуировки и наблюдавшиеся в Чимкентской областной психиатрической больнице и областном наркологическом диспансере, ИТК-5, ИТК-34, Чимкент (1987—1988, 1990—1991), в клинике Санкт-Петербургского научно-исследовательского института им. В.М. Бехтерева (1988—1989), в Ленинградской психиатрической больнице № 3 им. И.И. Скворцова-Степанова (1989), в Ленинградском областном наркологическом диспансере (1989—1990), в Беэр-Шевском Центре психического здоровья (1997—2004), в Иерусалимском психиатрическом госпитале и приемном покое Кфар-Шауль-Итаним (1995—1997, 2008—2017), военкомате Южного округа Израиля (2000—2004), поликлинике Центрального военного округа Тель-Ха Шомер (2006—2007), психиатрических отделениях многопрофильного госпиталя «Кирьят Шломо» (2010—2013), в психиатрических отделениях и приемном покое многопрофильного госпиталя «Герцог» (2013—2017), реабилитационном наркологическом центре «Ника-Израиль» (2016—2017).

Предметом исследования являлась изобразительная и смысловая интерпретация 2517 татуировок у 586 больных (498 мужчин и 88 женщин) с различными видами психических и поведенческих расстройств, а также 232 татуировок у 108 лиц без психических нарушений (контрольная группа). Все случаи, как пациентов, так и контрольной группы, были лично наблюдаемы автором за период с января 1987-го по январь 2017 года [4; 5; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 27; 33; 41; 82; 83; 84; 86; 87; 88; 89].

Также был произведен сравнительный и семантический анализ более 12000 фотографий и рисунков татуировок из специальной и научно-популярной литературы и интернет-ресурсов [6; 23; 24; 26; 28; 29; 30; 34; 36; 37; 38; 39; 44; 54; 55; 59; 79; 111; 112; 115; 116; 117; 118; 119; 120; 121; 122; 123; 124; 126; 127; 128; 129; 130]. Психосемантический анализ графических изображений и символов сравнивался с имеющимся анализом в научной и научно-популярной литературе [7; 40; 43; 49; 68; 72; 75; 77; 78].

Результаты

Основная задача предлагаемой классификации — помочь врачу-психиатру и клиническому психологу в достижении стоящей перед ними психодиагностической задачи, сосредоточив внимание специалистов на общих качественных, количественных и содержательных характеристиках искусственной дерматологии (татуировки).

Очевидно, что любая попытка создания всеобъемлющей классификации заведомо обречена на неудачу, так как не может удовлетворить интересы специалистов различного профиля. Так, криминалисты рассматривают татуировку с позиций идентификации личности правонарушителя и истории его прошлой преступной деятельности [1; 9; 25; 26; 40; 47; 104], психиатры и психологи — как форму активного внешнего отражения личностью собственного внутреннего мира [8; 63; 90; 91; 92; 94; 95; 97; 100], а культурологи и социологи — как совокупность проявления влияния материальных и духовных ценностей, характеризующую определенный уровень развития данного общества [37; 39; 55; 76; 93; 96; 101; 105; 106; 137].

Вместе с тем, существует достаточно широко распространенное мнение, что вследствие своего огромного разнообразия татуировки вообще не могут быть научно классифицированы.

С целью опровергнуть подобное суждение была осуществлена попытка разработать многоосевую классификацию татуировок для интегральной оценки проявлений психопатологии личности носителя, пригодной в качестве вспомогательной базы для диагностики психических и поведенческих расстройств.

Предлагаемая классификация строится на оценке трех основных параметров: **изобразительной характеристики (ось «А»)**, **групповой принадлежности (ось «В»)** и **их смысловой нагрузки (ось «С»)**.

Рис. 1. Многоосевая классификация татуировок для интегральной оценки проявления психопатологии личности носителя.

Изобразительная характеристика

Параметры оси «А» служат для изобразительной характеристики нанесенных татуировок и включают в себя оценку изображения по 4 группам: форме, размеру, количеству и локализации.

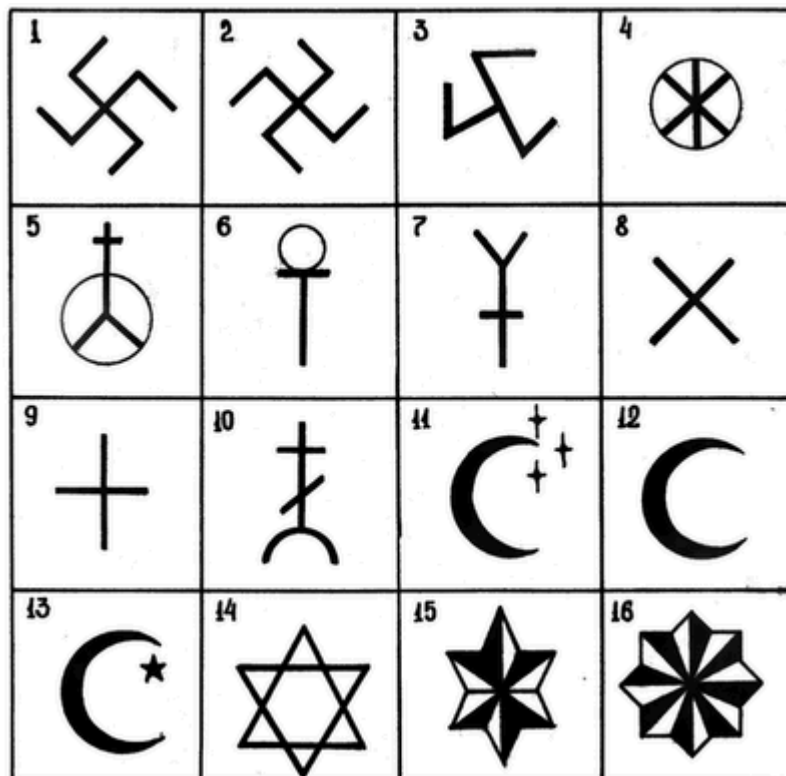
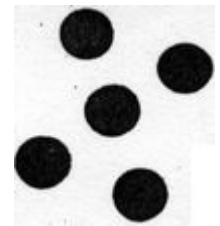
Форма изображения включает в себя градацию татуировок по пяти параметрам:

1. Цифры, знаки, аббревиатуры.

Цифры чаще всего отражают календарные даты индивидуально-значимых событий (например, дату рождения, годы службы в армии, срок пребывания в местах заключения, число судимостей и т.п.).

Знаки — условные обозначения, принятые в той или иной социальной или этнической группе для передачи определённой информации. Например, к этнографическим татуировкам будут относиться родоплеменные ритуальные татуировки, связанные с совершеннолетием и инициацией, а также связанные с социальным статусом в племени.

Другим вариантом инициации может быть условное посвящение в криминальную среду. Такой татуировкой является широко известный в бывшем СССР и российском криминальном мире так называемый «знак зоны» (сочетание пяти точек, расположенных «конвертом», который символизирует пребывание в местах лишения свободы «По краям — вышки, посередине — я»). В Израиле также существует аналогичный «знак зоны», имеющий свою специфику, которая заключается в обозначениях в виде трех точек, образующих равносторонний треугольник одной из верши вниз («я — впереди, за мной — два конвоира»). А в США это может быть «слеза», вытатуированная у наружного края глаза.

Аббревиатура — сложносокращенное слово, образованное из начальных букв или элементов словосочетаний. Зачастую имеет несколько трактовок, причем за псевдопозитивными смысловыми или нейтральными значениями, как правило, скрываются социально-негативные и агрессивные установки личности носителя. Например, аббревиатура из трёх букв «ЗЛО», в зависимости от окружения, трактуется носителем как «Заветы Любимого Отца» или «Зайчик любит овощи». На самом деле данная аббревиатура имеет другое истинное значение: «За всё Легавым Отомщу»;

трехбуквенная аббревиатура «ЛТВ» может трактоваться носителем как «Люби, Товарищ, Волю», в то же время она имеет совершенно другой истинный смысл: «Люблю Тихо Воровать», или же «Легавый — Твой Враг».

2. Символы — изображения, служащие условным обозначением какого-то образа, понятия или идеи.

Использование символов в качестве основы татуировки наиболее распространено в криминальной среде, среди членов неформальных группировок, военных и представителей отдельных профессий.

Например, в российской криминальной среде летящая чайка символизирует любовь к свободе, изображение мордочки кота — вора, скрещенные ключи — вора-домушника, изображение крысы может быть нанесено в криминальной среде исключительно насильственно и говорит, что носитель татуировки воровал у своих («крысятил»).

Следует отметить, что использование символов в криминальных татуировках имеет и второй, «тайный» смысл. Например, татуировка в виде звонящего колокола символизирует то, что её носитель отбывал заключение в местах лишения свободы «от звонка до звонка», а изображение монаха с пером в руке — что обладатель татуировки хорошо владеет ножом или бритвой.

3. Надписи. По отношению к другим видам татуировок надписи наиболее полно отражают мироощущение носителя. Как правило, они имеют памятно-сентиментальный, демонстративно-протестный или агрессивно-угрожающий характер и опять же широко распространены в уголовной среде. Например, демонстративно-протестная — «Не спеши на работу» (на ногах, в области стоп), агрессивно-угрожающая — «Смерть ментам, жизнь кентам» (грудь).

4. Орнамент — узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов, предназначенный для украшения. В качестве элементов орнамента могут выступать как абстрактные изображения, так и листья, цветы, магические знаки и т.д. Собственно сам орнамент обычно используется с декоративной целью. Однако орнамент из колец колючей проволоки вокруг горящего факела придает изображению демонстративно-протестный характер. Встречается и наркоманическая татуировка, представлявшая собой браслет в виде орнамента, состоящего из листьев марихуаны.

5. Рисунки (как правило, или композиционные графические изображения предметов или явлений, или отдельные образы) обычно используются для иллюстрации субъективных представлений и взглядов носителя. Поэтому татуировки, выполненные в виде рисунков, позволяют наиболее полно охарактеризовать с психопатологических позиций личность их обладателя. При этом анализу должна быть подвергнута не только общая композиция рисунка, но и все ее составляющие элементы. Например: летучая мышь, сжимающая в когтях шприц, в рамке из колючей проволоки. Так, оскаленная пасть мыши говорит об агрессивных тенденциях личности, шприц — о наркотической зависимости и предпочтительном способе введения наркотика, количество колючек на проволоке соответствует количеству лет пребывания в местах лишения свободы.

Иногда рисунки имеют сложную композицию, призванную передать ощущения, испытываемые носителем. Например, татуировка «гарем», на которой перед курящим кальян султаном танцует полуобнаженная девушка, связана с ощущениями наркотического опьянения, при котором носитель испытывает чувство «неземного блаженства».

По размеру татуировки подразделяются на пять групп: микроформатные, малоформатные, средние, крупноформатные и гигантские. Размер добровольно наносимой татуировки зачастую зависит не только от её смысловой нагрузки, но и от желания самого носителя подчеркнуть её значимость. Гигантские и микроформатные

изображения чаще, чем другие размеры изображений, свидетельствуют о неадекватности личности носителя, а в ряде случаев — и о нарушении его психического здоровья. Если гигантский размер рисунка объясняется глубиной вовлеченности в образ, и в данном случае это может рассматриваться как правило «девятки» при определении площади ожогов (чем больше пораженная площадь кожи (рука — 9%, грудь — 18% и т.д.), тем выше процент ожогов и, соответственно, вероятность положительного исхода ниже). В противоположном случае (микротатуировка) речь идет о «секретном», личностно-значимом образе, который сам больной по личным мотивам желает сохранить в тайне.

Размер нанесенной татуировки предлагается исчислять в процентах от анатомической поверхности участка тела, на который нанесено изображение. По нашим наблюдениям, микроформатные татуировки занимают до 10% от поверхности участка кожи, на которой расположено изображение, малоформатные — до 20%, средние — от 20 до 40%, крупноформатные — от 40 до 60%, гигантские — свыше 60%.

По количеству изображений носители татуировок подразделяются на две группы: с единичными татуировками и множественными. К первой группе относятся лица, имеющие до трех татуировок включительно, ко второй — четыре и более.

По локализации. Если в криминалистике описание локализации татуировок подчинено задаче идентификации личности, то в психиатрических и социально-психологических исследованиях на передний план выступает задача сгруппировать их по невербальной коммуникационной функции. Поэтому выбор личностью места на поверхности своего тела для нанесения татуировки, в первую очередь, обуславливается не только сознательной и подсознательной смысловой нагрузкой, но также и социально-психологической направленностью. Созданный графический образ подчинен желанию носителя продемонстрировать окружающим не только свой социальный статус, но и подчеркнуть направленность линии своего поведения. Таким образом, коммуникационная функция становится определяющей в вопросе выбора места нанесения татуировок. Совпадение между локализацией и семантикой образа будет свидетельствовать об адекватности выбора, и наоборот. Изображение гладиатора обычно наносится на переднюю поверхность плеча, грудь или наружную часть голени, а нанесение этого образа на ягодицу будет, по меньшей мере, выглядеть странно. Или другой пример: нанесение эротического сюжета на места «зон», связанных с сексом (молочные железы, мезогастриум, паховая область, нижний отдел поясицы, ягодицы), будут адекватны. А изображения половых органов на голове вряд ли может свидетельствовать о психическом здоровье носителя.

В соответствии с этим, с позиций доступности непосредственного обозрения, мы выделяем шесть зон локализации татуировок на теле обследуемого:

- *всегда открытые поверхности тела* — лицо, шея, пальцы и кисти рук, запястья;
- *участки поверхности тела, легко освобождаемые от одежды,* — предплечья, плечи, передняя поверхность грудной клетки, верхняя часть поверхности живота;
- *участки поверхности тела, практически всегда закрытые одеждой,* — спина, поясица, нижняя часть поверхности живота, поверхность нижних конечностей;
- *всегда прикрытые участки поверхности тела* — ягодицы, пах, половые органы, верхняя треть внутренней поверхности бёдер;
- *участки тела, используемые для внутривенных инъекций,* — передняя поверхность локтевого сгиба, передняя поверхность верхней трети предплечья, тыльная поверхность кисти;
- *тотальная татуировка, занимающая большую часть поверхности всего тела.*

Групповая принадлежность

Анализ социального развития общества показывает, что вне зависимости от его политического строя и уровня социально-экономического развития в нем самопроизвольно происходит образование неформальных объединений.

Под неформальной группой понимается организация с достаточно гибкой инфраструктурой, члены которой добровольно объединились в группу на первоначально демократической основе.

В основе такого объединения лежат эмоционально-психологические взаимоотношения (симпатия и антипатия), общность интересов, отсутствие регламентации отношений, наличие систематического свободного общения и отсутствие юридического статуса. Со временем среди членов группы начинает формироваться собственная субкультура поведения: внешний вид (в том числе татуировки и пирсинг), манера одеваться, речь (жаргонизмы), круг пристрастий, система идеалов и линия поведения. Следует отметить, что в рамках неформальной группировки внешний вид, татуировка, жаргон и пирсинг в определённой степени играют роль основного идентификационно-коммуникационного фактора.

Групповые татуировки, как правило, однотипны, отражают «идеологию» и социальную направленность группы, имеют статусно-стратификационный характер (иерархическое построение социальной группы по типу «пирамиды»).

С позиции общественной значимости и своей социальной направленности все неформальные группировки могут быть отнесены к одной из следующих десяти групп.

Культовые и этнические

Объединяют лиц, принадлежащих к той или иной этнической группе (по национальному признаку) и являющихся носителями определённых духовных, языковых и культурных традиций.

Встречающиеся у них татуировки носят культовый и этнический характер. Например, нанесение круговых зубчатых полос на шею женщины-эфиопки: количество полос соответствует количеству рожденных ею детей.

Профессиональные

Являются отголосками средневековых профессиональных гильдий. В прошлом «татуированное сообщество» включало в себя представителей цеховых ремесел (сапожники, портные, кузнецы и т.д.) или экзотических профессий (таежный охотник, цирковой акробат и т.д.).

В настоящее время, в условиях разделения, механизации и автоматизации производства, они практически исчезли. Исключение составляют моряки, рыбаки, пожарники, музыканты.

Военные

Неформальные объединения по принципу места прохождения службы, престижных военных специальностей (летчики, десантники, танкисты, подводники, ракетчики и т.д.), по участию в боевых действиях на территории других государств [12; 96; 125; 131].

Встречающиеся татуировки насыщены военной символикой, большая часть связана со службой в Афганистане (например, раскрытый парашют, летящий в облаках, и лента с надписью «DRA 1980—1982» или самолет с надписью: «Смерть Духам!») [6; 12].

Вместе с тем, в процессе беседы с носителями таких татуировок выяснялось, что, как правило, они наносились практически непосредственно перед демобилизацией из армии, так как в случае попаданий в плен явились бы прямым свидетельством участия в боевых действиях и могли караться смертью.

Другие армейские татуировки сопровождались изображением предметов военной техники и атрибутики, как, например, рисунок плывущего авианосца и летящих над ним реактивных самолётов, подпись — «Тихий Океан».

Социально-позитивные неформальные группы

Как правило, группы, объединенные идеей физического, духовного или нравственного самосовершенствования.

К ним относятся спортивные общества, спортивные клубы и секции, а также группы боевых искусств и восточных единоборств, музыкальные группы и танцевальные коллективы.

Татуировки у членов социально-позитивных неформальных групп встречаются достаточно редко и представляют собой символы спортивных клубов различных восточных единоборств (например, УШУ, ШИТО — РЮ, ГОЙУ — РЮ и т.п.) [32].

Условно нейтральные неформальные группы

В своём большинстве представляют собой подростковые и молодёжные объединения (такие территориальные объединения, как «уличные» или «дворовые» команды, объединения на основе хобби или совместного времяпрепровождения: спортивные и музыкальные фанаты), ставящие своей целью поддержку и защиту избранного ими кумира. В случае проигрыша любимой спортивной команды или провала любимой музыкальной группы их фанаты способны на массовые агрессивные, противоправные действия, вплоть до совершения ими актов вандализма.

Встречающиеся татуировки достаточно индивидуальны и не имеют негативной направленности. В своём большинстве это эмблемы любимых спортивных команд, названия музыкальных групп («Кино», «Алиса», «Kiss» и т.д.) или имена отдельных популярных исполнителей [32; 37; 55].

Социально-негативные неформальные группы

Включают в себя таких неформалов, как панки, неонацисты и некоторые другие. Представители этих групп — люди молодого возраста, как правило, с неоконченным средним образованием, без специальности, не имеющие постоянного места работы, перебивающиеся случайными заработками, зачастую находящиеся на иждивении родителей или родственников. Вступление в такие группы («посвящение») связано с выполнением новопосвященным ряда «обрядов» и процедур, в том числе и унижающих человеческое достоинство. Так, у панков это поедание отбросов из мусорного бака, обливание неофита нечистотами или групповой секс [31; 32; 50; 60; 69; 71; 107; 135].

Характер поведения членов группы демонстративно-провокационный. Они игнорируют принятые в обществе нормы поведения, агрессивны по отношению к окружающим. В группах поощряется культивирование вредных привычек, включающих в себя весь диапазон средств, оказывающих разрушающее действие на психику и личность. Внешняя направленность таких группировок выражается в оппозиционном поведении к существующему строю, провозглашении принципов анархии, нигилизма.

Татуировки среди членов социально-негативных неформальных групп носят массовый характер. Татуировки, как правило, множественные, при этом декоративно-украшающие изображения соседствуют с агрессивно-устрашающими и демонстративно-протестными. Статусно-стратификационные татуировки практически отсутствуют. Достаточно часто наблюдаются татуировки, прямо или косвенно указывающие, что обладатель татуировки, употребляет психоактивные вещества.

Среди членов социально-негативных неформальных националистических групп распространены татуировки с нацистской и шовинистической символикой.

Преступное сообщество

Данный термин, принятый в юридической литературе. Под ним понимают лиц, совершивших уголовно-наказуемые преступления, и лиц, отбывавших или отбывающих заключение в местах лишения свободы.

Татуировки у лиц, входящих в эту группу, носят множественный характер. Практически все криминальные татуировки имеют либо явный, либо скрытый элемент, указывающий на уголовное прошлое обследуемого. Конечно, бывают татуировки, сделанные вне мест лишения свободы, они должны рассматриваться как подражательные, однако они также могут указывать на ценностные ориентации личности в прошлом [6; 12; 23; 29; 30; 36; 47; 59].

Просто декоративно-украшающие татуировки встречаются в криминальной среде относительно редко. В своем большинстве по своей смысловой нагрузке, имеющиеся татуировки носят памятно-сентиментальный, агрессивно-устрашающий, демонстративно-протестный и статусно-стратификационный характер. У лиц, злоупотребляющих алкоголем и принимающих психоактивные препараты, часто встречаются наркоманические татуировки.

Странные (бizarные) татуировки

Как правило, они могут встречаться не только у лиц с нарушениями психики, но и у тех, кто имеет нарушения поведения, расстройства личности или социально дезадаптирован. Подобные татуировки только внешне имеют сходство с группой декоративно-украшающих изображений, но, тем не менее, выглядят по меньшей мере «странными» даже на непрофессиональный взгляд. Например, изображение на теменной части головы сковородки с яичницей, на груди — отрубленной головы с вбитыми в нее кривыми гвоздями, на спине — двуглавого льва с крыльями от летучей мыши, на плече — трупа обезглавленной женщины, на бедре — ребенка на протезах и т.д. Один из наблюдаемых нами пациентов выбирал себе в течение многих месяцев татуировку с изображением дракона среди 50000 изображений, чтобы найти наиболее близкую «ему по духу», а в добавление к этой татуировке сделал на голени другого, биомеханического дракона, «чтобы идти в ногу со временем». Еще один пациент, в параноидном психозе, вытатуировал на лбу «третий глаз», чтобы «видеть людей насквозь».

Практически все эти изображения имеют индивидуальную значимость и непонятны для обычного восприятия без пояснительной трактовки обладателя (например, окровавленный винт на голени «показывал», что носительница могла «перенести любую боль» [15; 17; 98].

Мистико-магические татуировки

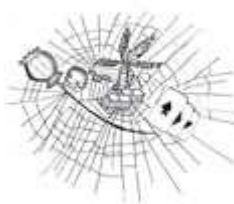
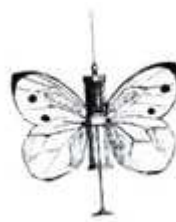

Это изображения всяческих амулетов, оберегов и талисманов всех известных религий и всевозможных сект. Это могут быть и знаки зодиака, и магические узлы, и кельтские руны. Иногда носитель дает свою абсолютно несхожую с общепринятой трактовку изображения. Например, египетский символ вечной жизни «Анх» больная трактовала как символ реанимационной медицины, так как он был похож по форме на прозрачный пластырь фиксирования иглы для внутривенных инъекций. Это могут быть и изображения вампиров как бессознательное желание продлить молодость и жить вечно; птица Феникс, восстающая из пепла, как символ многократного возрождения или саламандра, «которая не горит в огне». Также расположение рисунка или знака на спине может косвенно указывать на их функцию оберега (ангел «прикрывает» сзади от опасностей).

Наркоманические татуировки

Это такие татуировки, которые прямо или косвенно указывают на употребление психоактивных веществ, причем они могут указывать на предпочтительный вид наркотика, это может быть графическое изображение мака, надпись «героин» или химическая формула опиатов, а также буквы алфавита, например, английского, зашифрованного через цифры «3» — С — cocaine, «5» — E — ecstasy, «8» — H — heroin, «13» — M — marijuana.

Татуировки, наблюдающиеся у больных этой группы, связаны как с изображением растительного сырья, из которого производят наркотики, так и с предпочтительными методами их введения в организм (курение, таблетки, шприцы для инъекций). Кроме того, в подобных татуировках находят графическое отражение испытываемые во время наркотического опьянения ощущения (фантастические образы, яркие цветные фосфоресцирующие цвета предметов, эротические фантазии, чувство эйфории и т.д.) [2; 5; 6; 12; 13; 16].

Расстройства сексуальной сферы

Лица, демонстрирующие повышенный интерес к сексуальной сфере, а также имеющие отклонения в направленности сексуального влечения и перверсии, будут иметь татуировки, носящие сексуально-эротический характер. Их смысловое значение отражает сексуальные и чувственные взаимоотношения, изображает или символизирует эротические явные и скрытые образы (обнаженное тело, различные формы сексуальных связей гетеро- и гомосексуального контакта, а также сексуального контакта человека с монстрами или животными) [6; 12; 79; 92; 108; 115; 116; 117; 118; 119; 120; 121].

Татуировки, не связанные с групповой принадлежностью

Самоосознание личности включает в себя не только процессы самопознания, самоидентификации и самоопределения, но и формы их проявления. Внешне это проявляется в виде предъявляемых окружающим сигналов, которые могут носить как вербальный, так и невербальный характер. К последним относятся не только внешний вид индивидуума, его прическа, одежда, макияж, но и искусственная дерматография (татуировка), пирсинг. Данные атрибуты модификации тела несут в себе информацию о том, каким данный индивидуум хочет выглядеть в глазах окружающих.

Большинство татуировок, встречающихся у лиц, не связанных с групповой принадлежностью, носит либо памятно-сентиментальный, либо декоративно-украшающий, либо сексуально-эротический характер. Как правило, татуировки единичны, но иногда у последователей модных течений покрывают практически всю поверхность тела носителя.

Литература

1. Авдеев М.И. Судебная медицина. – М.: Госюриздат, 1949. – 503 с.
2. Алферов Ю.А. Субкультура наркоманов и воспитательная функция ИТУ по социализации их личности // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. – М.: Моск. гос. университет; Акад. пед. наук СССР, 1988. – С. 134–156.
3. Алферов Ю.А. Наркомания в ИТУ: опыт работы с осужденными наркоманами: учебное пособие. – Домодедово: ВИПК МВД СССР, 1991. – 102 с.
4. Бажин Е.Ф., Борохов А.Д. Диагностическое значение некоторых видов татуировок у лиц с нарушением поведения и пристрастием к наркотикам и алкоголю // Актуальные вопросы психиатрии и наркологии. Тезисы докладов 3 съезда неврологов, нейрохирургов и психиатров ЭССР. – Таллинн, 1989. – Т. 2. – С. 23–25.
5. Бажин Е.Ф., Борохов А.Д. О специфическом значении искусственной дерматографии (татуировки) в диагностике наркомании // Шестой Всероссийский съезд психиатров, 24–26 октября 1990 г., Томск: тезисы докладов. – М., 1990. – Т. 2. – С. 198–199.
6. Балдаев Д. Татуировки заключенных. – СПб.: Лимбус Пресс, 2006. – 168 с.
7. Бауер В., Дюмоц И., Головин С. Энциклопедия символов. – М.: Крон-Пресс, 1995. – 512 с.
8. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. – Воронеж: МОДЭК, 1995. – 640 с.
9. Бокариус Н.С. Первоначальный наружный осмотр трупа при милицейском и розыском дознании. – Харьков, 1925. – 541 с.
10. Борохов А.Д. О возможных социально-психологических механизмах агрессивного деструктивного поведения в некоторых подростковых неформальных группах // Методологические проблемы социальной медицины. – Ленинград, 1989. – С. 104–106.

11. Борохов А.Д. Искусственная дерматографии (татуировка) и ее судебно-психиатрическое значение в комплексной оценке личности правонарушителя // Актуальные вопросы психиатрии и наркологии: труды конференции, посвященной X-летию Кохтла-Ярвской психоневрологической больницы. – Кохтла-Ярве, 1990. – С. 8–11.
12. Борохов А.Д. Русская тюремная и военная татуировка: социально-психологические и судебно-психиатрические аспекты – Иерусалим: Папирус, 1994. – 185 с.
13. Борохов А.Д. Когда весь мир на острие иглы. Татуировки и жаргон наркоманов. – СПб.: Речь, 2005. – 328 с.
14. Борохов А.Д. Клиническое значение психосемантического анализа татуировки в психиатрии // Материалы IV съезда психиатров, наркологов, психотерапевтов, медицинских психологов Чувашии. – Чебоксары, 2010. – С. 106–108.
15. Борохов А.Д. Значение татуировок в диагностике психических и поведенческих расстройств // Медицинская сестра. – 2011. – № 7. – С. 24–32.
16. Борохов А.Д., Борохов Д.З. Клиническое и социально-психологическое значение татуировок у больных наркоманией и алкоголизмом (Транскультуральное лонгитудинальное исследование) // Наркология. – 2010. – Т. 9, № 10 (106). – С. 59–65.
17. Борохов А.Д., Борохов Д.З. Психосемантическое значение татуировки у больных с расстройствами шизофренического спектра // Вестник Психиатрии и Психологии Чувашии, – 2010. – № 6. – С. 69–86.
18. Борохов А.Д., Губин В. Методы экспресс-диагностики отклоняющегося поведения у лиц призывного возраста (социально-психологические и судебно-психиатрические аспекты): методические рекомендации. – Ленинград: Полит. упр. ЛВО, 1990. – 84 с.
19. Борохов А.Д., Ершов Б.Б., Файн А.П. Агрессия как возможный пусковой механизм саморазрушающего поведения у подростков // Саморазрушающее поведение у подростков: сб. науч. трудов НИПНИ им. В.М. Бехтерева. – Ленинград, 1991. – Т. 128. – С. 102–106.
20. Борохов А.Д., Исаев Д.Д., Столяров А.В. Социально-психологические факторы формирования гомосексуального поведения у заключенных // Социологические исследования. – 1990. – № 6. – С. 93–97.
21. Борохов А.Д., Кужим Г., Недельская М. Психосемантический анализ татуировки в судебно-психиатрической экспертизе // Материалы второго международного психолого-социального конгресса 14–15 мая 2009, Санкт-Петербург. – СПб., 2009. – С. 34.
22. Борохов А.Д., Полторак С.В. Значение татуировки в диагностике психических расстройств // Актуальные проблемы современной психиатрии и наркологии: материалы межрегиональной научно-практической конференции (Омск, 14–15 декабря 2005 г.). – Омск, 2005. – С. 56–58.
23. Бронников А.Г. Татуировки осужденных, их классификация и криминалистическое значение (альбом). – М.: Акад. МВД СССР, 1980.
24. Бронников А.Г. Криминалистическое значение татуировок у правонарушителей. – Пермь: Стилус, 1982. – 356 с.
25. Бронников А.Г., Дубягин Ю.П. Использование сведений о татуировках в целях предотвращения и раскрытия преступлений. – Пермь: УИТУ УВД Перм. обл.сполкома, 1986.
26. Бронников А.Г., Дубягин Ю.П. Криминалистическая диагностика и расшифровка татуировок правонарушителей: учеб. пособие для сотрудников правоохранительных органов. – Пермь, 1989. – 124 с.
27. Выбор способа действия персонала (Modus Operandi) в соответствии с психическим состоянием пациента / А.Д. Борохов, Р.Д. Стриковская, Э.С. Гринберг [и др.] // Медицинская сестра. – 2014. – № 6. – С. 14–18.
28. Галин В., Дубягин Ю. Татуировка у эзков корейской национальности о. Сахалин // Обозреватель (на японском языке). – Токио, 1992. – № 4. – С. 17.
29. Гернет М.Н. Татуировка в местах заключения г. Москвы // Преступный мир Москвы. – М.: Право и жизнь, 1924. – С. 218–246.
30. Горюнов В.Е. Татуировки кистей рук. – Челябинск, 1998. – 86 с.

31. Грибанов В.В., Губин В.А., Теплов Э.П. Нетрадиционные молодежные объединения: Актуальные проблемы идеологической работы. – Ленинград, 1988.
32. Губин В., Борохов А. Армия и молодежь: социально-психологические и медицинские аспекты: методические рекомендации / ПУ ОЛЛВО. – Ленинград, 1990. – 75 с.
33. Джумалиева Б., Овсянникова Л., Борохов А. Злоупотребление наркотиками и алкоголем у лиц с патологией поведения и аномалиями развития личности // 1-й съезд невропатологов и психиатров Казахстана: сборник статей. – Алма-Ата, 1987. – Т. 2. – С. 161–162.
34. Драггер М. Самоучитель по татуировкам. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 320 с.
35. Дубягин Ю.П., Теплицкий Е.А. Краткий англо-русский и русско-английский словарь уголовного жаргона. – М.: Терра, 1993. – 288 с.
36. Дубягина О.П., Дубягин Ю.П., Смирнов Г.Ф. Культ Тату. Криминальная и художественная татуировка. – М.: Юриспруденция, 2003. – 240 с.
37. Егоров Р. Дао татуировки. – М.: Грант, 2001. – 208 с.
38. Егоров Р. Татуировка и другие модификации тела. – М.: Рипол-классик, 2004. – 184 с.
39. Ельский А. Татуировка. – Минск: МЕТ, 1997. – 232 с.
40. Жюльен Н. Словарь символов. – Челябинск: Урал ЛТД, 1999. – 512 с.
41. Значение татуировок как признак саморазрушающего поведения у подростков и молодежи / А.Д. Борохов, Т.В. Попов, С.А. Тумасов [и др.] // Саморазрушающее поведение у подростков: сб. науч. трудов НИПНИ им. В.М. Бехтерева. – Ленинград, 1991. – Т. 128. – С. 107–112.
42. Квеселевич Д.И. Русско-английский словарь ненормативной лексики. – М.: Астрель АСТ, 2002. – 1120 с.
43. Керлот Х.Э. Словарь символов. Мифология. Магия. Психоанализ. – М.: Рефл-бук, 1994. – 608 с.
44. Коган Я. Татуировка у преступников. – Одесса. – 1928. – 64 с.
45. Кондратенко В.Т. Девиантное поведение подростков: Социально-психологические и психиатрические аспекты. – Минск, 1988. – 218 с.
46. Конечный Р., Боухал М. Психология в медицине. – Прага: Авиценум, 1983. – 405 с.
47. Кучинский А.В. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычай, язык, татуировки: Энциклопедия. – Донецк: Сталкер, 1997. – 448 с.
48. Лапицкий М.А., Осипова Н.Н. Типология агрессивности при нарушении поведения у подростков с различными акцентуациями характера // Проблемы девиантного поведения молодежи в современном обществе: материалы науч. конф. с междунар. участием. – СПб.: Психоневрол. институт им. В.М. Бехтерева, 2001. – С. 58.
49. Лейн Б. Попытки и наказания. – Смоленск: Русич, 1997. – 448 с.
50. Липский И. Военная служба и неформальные объединения молодежи // Лектору и пропагандисту. – 1989. – № 3. – С. 23–48.
51. Личко А.Е. Подростковая психиатрия: руководство для врачей. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ленинград: Медицина, 1985. – 416 с.
52. Личко А., Битенский В. Подростковая наркология: руководство для врачей. – Ленинград: Медицина, 1991. – 304 с.
53. Мамайчук И.И. Экспертиза личности в судебно-следственной практике: учебное пособие. – СПб.: Речь, 2002. – 255 с.
54. Мельяненко Л. По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира. – СПб.: Дамы и господа, 1992. – 356 с.
55. Муравлева Н. Искусство украшения тела: татуировка, пирсинг, scarification. – СПб.: Диамант, 2002. – 160 с.

56. Наркомания у подростков / В. Битенский, Б. Херсонский, С. Дворяк [и др.]. – Киев: Здоровья, 1989. – 216 с.
57. Неганова Е.А., Чудиновских А.Г. Многоосевая оценка психического состояния лиц призывного возраста в условиях амбулаторного психиатрического приёма // Проблемы девиантного поведения молодёжи в современном обществе: материалы науч. конф. с междунар. участием. – СПб.: Психоневрол. институт им. В.М. Бехтерева, 2001. – С. 67.
58. Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 736 с.
59. Ольгерд М. Татуировка: тайна и смысл... – М.: Новости, 1995. – 96 с.
60. Овчинский В.С. "Неформал" в законе // Социологические исследования. – 1989. – № 2. – С. 63–70.
61. Петраков Б.Д. Психическая заболеваемость в некоторых странах в XX веке. – М.: Медицина, 1972. – 300 с.
62. Петухов Ю.Л., Чудиновских А.Г. Многоосевая оценка психического состояния призывников при проведении стационарной военно-врачебной экспертизы // Проблемы девиантного поведения молодёжи в современном обществе: материалы науч. конф. с междунар. участием. – СПб.: Психоневрол. институт им. В.М. Бехтерева, 2001. – С. 76–77.
63. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. – М., 1998. – 704 с.
64. Попов Ю.В. Классификация психопатических расстройств у подростков // Психопатические расстройства у подростков. – Ленинград, 1987. – С. 64–69.
65. Пятницкая И.Н. Клиническая наркология. – Ленинград, 1975. – 335 с.
66. Рогатых Л.Ф., Стрельченко Э.Г., Топоров С.Б. Борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. – СПб.: Питер, 2004. – 239 с.
67. Румянцева Г.А. Суицидальное поведение молодёжи // Проблемы девиантного поведения молодёжи в современном обществе: материалы науч. конф. с междунар. участием. – СПб.: Психоневрол. институт им. В.М. Бехтерева, 2001. – С. 86–87.
68. Свирепо О.А., Ружанова О.С. Образ, символ, метафора в современной психотерапии. – М.: Институт психотер., 2004. – 269 с.
69. Солдатенков Н. Бритоголовые // Аргументы и факты. – 1989. – № 19 (448).
70. Соловьёва С.Л. Структура психической напряженности в современном обществе // Проблемы девиантного поведения молодёжи в современном обществе: материалы науч. конф. с междунар. участием. – СПб.: Психоневрол. институт им. В.М. Бехтерева, 2001. – С. 95.
71. Сундеев И.Ю. Самодеятельные объединения молодежи // Социологические исследования, 1989. – С. 56–62.
72. Фолей Д. Энциклопедия Гиннеса по знакам и символам. – 2-е изд. – М.: Вече, 1997. – 512 с.
73. Холмс Д. Аномальная психология / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – 310 с.
74. Хорошавина О.В., Чудиновских А.Г. Оценка психического состояния лиц, уволенных из вооруженных сил по поводу психических заболеваний с позиций многоосевой диагностики // Проблемы девиантного поведения молодёжи в современном обществе: матер. науч. конф. с междунар. участием. – СПб.: Психоневрол. институт им. В.М. Бехтерева, 2001. – С. 106–107.
75. Энциклопедический словарь символов / авт.-сост. Н.А. Истомина. – М.: Астрель, 2003. – 1056 с.
76. Энциклопедический словарь. Том XXXIIa: Тай – Термиты. – С-Петербург: Тип. Акц. Общ. "Издательское дело", Брокгауз-Ефрон, 1901. – С. 677–682.
77. Энциклопедия символов / под ред. Е.А. Шейнина. – Харьков: Торсинг, 2003. – 591 с.

78. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / авт.-сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнев. – М.: Астрель; Миф, 2001. – 576 с.
79. 1000 Tattoos / ed. by H. Schiffmacher, B. Reimschneider. – Köln: Taschen, 2002. – 699 p.
80. Atkinson M. Tattooing and civilizing processes: Body modification as self-control // Canadian Review of Sociology. – 2004. – Vol. 41, № 2. – P. 125–146.
81. Bennahum D.A. Tattoos of heroin addicts in New Mexico // Rocky Mt Med J. – 1971. – Vol. 68, № 9. – P. 63–66.
82. Borokhov A. Psychological aspects of tattooing as a marker of sexual deviations in prison // 1st International Conference on Psychiatric Diagnosis. – Tokyo, 1990. – P. 28.
83. Borokhov A. Tattoos as a diagnostic of drug addiction // 1st International Conference on Psychiatric Diagnosis. – Tokyo, 1990. – P. 27.
84. Borokhov A.D. Addiction-Related and sexopathological aspects of tattooing as a form of creative self-expression in abnormal personalities // First European Symposium on Drug Addiction and AIDS. – Vienna, 1991. – P. 34.
85. Borokhov A. Choice of suicide attempt or autodestruction and correlation with psychopathological syndromes // 14th annual meeting of the Israel Society for Biological Psychiatry, Hagoshrim, Israel. – 2010. – P. 7–8.
86. Borokhov A. Psychosemantic analysis of tattoos in clinical and forensic psychiatric practice // 14th annual meeting of the Israel Society for Biological Psychiatry, Hagoshrim, Israel. – 2010. – P. 7.
87. Borokhov A., Bastiaans R., Lerner V. Tattoo as an additional tool for diagnosing of mental behavioral disorders associated with psychoactive substance use // Abstracts of the 4th European College of Neuropsychopharmacology Workshop: Neuropsychopharmacology of addiction. Nice, France, March 15-17, 2003. – 2003. – Vol. 13, Suppl. 1. – P. 18.
88. Borokhov A., Bastiaans R., Lerner V. Tattoo Designs Among Drug Abusers // The Israel journal of psychiatry and related sciences. – 2006. – Vol. 43, № 1. – P. 28–33.
89. Borokhov A., Petrov V., Yershov B. Combined use of traditional and non-traditional methods of therapy of substance abuse and alcoholism in adolescents // First European Symposium on Drug Addiction and AIDS. – Vienna, 1991. – P. 72.
90. Brilot M. Tattoos of the mummies in Altai // L'Anthropology. – 2000. – Vol. 104, № 3. – P. 473–478.
91. Bromberg W. Psychological motives in tattooing // Arch Neurol Psychiatry. – 1935. – Vol. 33. – P. 228–232.
92. Bromberg W. Tattooing: psychosexual motivations // Sex Behav. – 1972. – Vol. 2. – P. 28–32.
93. Caplan J. Bodies of inscription: A cultural history of the modern tattoo community // Historian. – 2002. – Vol. 64, № 2. – P. 406–407.
94. Ceniceros S. Tattooing, body piercing, and Russian roulette // J Nerv Ment Dis. – 1998. – Vol. 186, № 8. – P. 503–504.
95. Degelman D., Price N.D. Tattoos and ratings of personal characteristics // Psychological Reports. – 2002. – Vol. 90, № 2. – P. 507–514.
96. Earls J.H., Hester R. Tattooed sailors: some sociopsychological correlates // Mil Med. – 1967. – Vol. 132, № 1. – P. 48–53.
97. Gittleston N.L., Wallen G.D.P. The tattooed male patient // Br J Psychiatry. – 1973. – Vol. 122, № 568. – P. 295–300.
98. Gittleston N.L., Wallen G.D.P., Dawson-Butterworth K. The tattooed psychiatric patient // Br J Psychiatry. – 1969. – Vol. 115, № 528. – P. 1249–1253.
99. Grummet G.W. Psychodynamic implications of tattoos // Am J Orthopsychiatry. – 1983. – Vol. 53, № 3. – P. 482–492.
100. Höfler D.Z., Bänninger R. Tattooing in drug addicts. Symbolic barriers or a handicap to rehabilitation // Hautarzt. – 1990. – Vol. 41, № 12. – P. 645–641 [in German].

101. Irwin K. Saints and sinners: Elite tattoo collectors and tattooists as positive and negative deviants // *Sociological Spectrum*. – 2003. – Vol. 23, № 1. – P. 27–57.
102. Jacobson J.L., Jacobson A.M. *Psychiatric secrets*. – Philadelphia P.A.: Hanley and Belfus, 1996.
103. Kleber H.D. Opioids: Detoxification // *American Psychiatric Press textbook of Substance Abuse treatment* / ed. by M. Galanter, H.D. Kleber. – London P.A.: American Psychiatric Press Inc. 1994. – P. 191–207.
104. Lambert A. *Russian prison tattoos: Codes of Authority, Domination, and Struggle*. – Schiffer Book, 2003. – 159 p.
105. Lapidoth M., Aharonowitz G. Tattoo removal among Ethiopian Jews in Israel: tradition faces technology // *Journal of the American Academy of Dermatology*. – 2004. – Vol. 51, № 6. – P. 906–909.
106. Lewy M. Jerusalem unter der Haut – Zur Geschichte der Jerusalemer Pilgertätowierung // *Festschrift für religions und geistesgeschichte*. – 2003. – Vol. 55, № 1. – P. 1–39.
107. Montgomery D.F., Parks D. Tattoos: counseling the adolescent // *J Pediatric Health Care*. – 2001. – Vol. 15, № 1. – P. 14–19.
108. Parry A. Tattooing among prostitutes and perverts // *The Psychoanalytic Quarterly*. – 1934. – Vol. 3. – P. 476–482.
109. Pollack O.J., McKenna E.C. Tattooed psychotic patients // *Amer. J. Psychiat.* – 1945. – Vol. 101, № 5. – P. 673–674.
110. Roberts T.A., Ryan S.A. Tattooing and high-risk behavior in adolescents // *Pediatrics*. – 2002. – Vol. 110, № 6. – P. 1058–1063.
111. *Scandinavian Tattoo Magazine*. – Jan. 2015. – № 142. – 66 p.
112. *Skin and Ink* – April 2015. – 2015. – № 156. – 100 p.
113. Sperry K. Tattoos and tattooing. Part 1. History and methodology // *Am J Forensic Med Pathol*. – 1991. – Vol. 12, № 4. – P. 313–319.
114. Stephens M.B. Behavioral risks associated with tattooing // *Family Medicine*. – 2003. – Vol. 35, № 1. – P. 52–54.
115. *Tabu Tattoo*. – Jan. 2013. – № 49. – 82 p.
116. *Tabu Tattoo*. – May. 2013. – № 51. – 82 p.
117. *Tabu Tattoo*. – Sept. 2013. – № 53. – 79 p.
118. *Tabu Tattoo*. – Jul. 2014. – № 58. – 82 p.
119. *Tabu Tattoo*. – Mar. 2014. – № 56. – 82 p.
120. *Tabu Tattoo*. – May. 2014. – № 57. – 82 p.
121. *Tabu Tattoo*. – Nov. 2016. – № 60. – 97 p.
122. *Tatouage*. – Jul.–Aug. 2015. – № 105. – 96 p.
123. *Tattoo 1 Tribal. The International Tattoo Gallery Magazine*. – May 2015. – № 51. – 97 p.
124. *Tattoo 1 Tribal. The International Tattoo Gallery Magazine*. – Sept. 2015. – № 43. – 97 p.
125. Tattoo and personality traits in Croatian veterans / I. Pozgain, J. Barkić, P. Filaković [et al.] // *Yonsei medical journal*. – 2004. – Vol. 45, № 2. – P. 300–305.
126. *Tattoo Energy*. – № 94. – 97 p.
127. *Tattoo Galeria Magazin. Hungary*. – 2016. – № 23. – 67 p.
128. *Tattoo Life Magazine*. – № 75. – 97 p.
129. *Tattoo Life Magazine*. – № 101. – 98 p.
130. *Tattoo Magazin. Hungary*. – 2016. Jun. – № 194. – 66 p.
131. Tattooed army soldiers: Examining the incidence, behavior, and risk / M.L. Armstrong, K.P. Murphy, A. Sallee [et al.] // *Military Medicine*. – 2000. – Vol. 165, № 2. – P. 135–141.

132. Tattooing and body piercing among adolescent detainees: relationship to alcohol and other drug use / R. Braithwaite, A. Robillard, T. Woodring [et al.] // *J Subst Abuse*. – 2001. – Vol. 13, № 1-2. – P. 5–16.
133. Tattoos and body piercings as indicators of adolescent risk-taking behaviors / S.T. Carroll, R.H. Riffenburgh, T.A. Roberts [et al.] // *Pediatrics*. – 2002. – Vol. 109, № 6. – P. 1021–1027.
134. Taylor A.J. Tattooing among male and female offenders of different ages in different type of institutions // *Genet Psychol Monogr*. – 1970. – Vol. 81, № 1. – P. 81–119.
135. Valentine B., Schober R. *Gangs and their tattoos: Identifying Gangbanders on the Street and Prison*. – Boulder, Colorado: Paladin Press, 2000. – 176 p.
136. Verberne T.J.P. The personality traits of tattooed adolescent offenders // *The British Journal of Criminology*. – 1969. – Vol. 9, № 2. – P. 172–175.
137. 34-28 עמודים 05.12.2014. הארץ מוסף הארץ מוסף [Journal Israel Illustrated Supplemt. – 2014, December. – P. 28–34].

Tattoos Multiaxial Classification for on integral of assessment psychopathology

Borokhov A.D.¹
E-mail: adsamuray@gmail.com

¹ Herzog Memorial Hospital
Jerusalem, Israel

Abstract

Attention to the condition of the skin of psychiatric patients may bring a significant condition to the formulation of the somatoneurological status of the patient.

Usually human skin is clean, without damages such as scrams, strangulate fissure, scrams after injections, piercings, artificial implants and tattoos.

During 30 years, from January 1987 to January 2017 I have examined 586 tattooing patients (498 man and 88 woman) with different psychopathological problems and a control health group including 108 persons. First group — 2517 tattoos, second (control) — 232.

In addition to this investigation I have performed a psychosemantic analysis and relevant implications for more than 12000 photos and pictures from specialized literature on tattoos and related material from the Internet.

On the basis of this body data I build a tattoos multiaxial classification for separate risk-group with suffering from diverse deviations such as drug use, sexual problems, personality disorders and hidden/latent psychotic symptom.

This multiaxial system of classification includes the following three axis.

Axis "A" defines representative characteristic and included 4 for tattoo parameters such as form, size, quantity and anatomical localization.

Axis "B" defines group belonging and includes 14 tattoo parameters characteristic of different and specific groups such as ethnic, professional, military, social-positive, neutral, social-negative non-formal groups (such as neo-Nazi, punks), criminal society, drug addicts society and individuals with sexual deviations.

Axis "C" defines semantic meaning and contains 12 tattoo parameters including decorative, memory-sentimental, ideological and religious, criminal demonstrative-protest, criminal hierarchic status, criminal aggressive-threat, mystic-magic, "bizarre", drugs and alcohol use, functional, sexual-erotic.

Key words: checkup; tattoo; definition; motive; meaning; patient.

For citation

Borokhov A.D. Tattoos Multiaxial Classification for on integral of assessment psychopathology. *Med. psihol. Ross.*, 2018, vol. 10, no. 1, p. 10. doi: 10.24411/2219-8245-2018-11100 [in Russian, abstract in English].